

РЭЙ
БРЭДБЕРИ

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я

РЭЙ
БРЭДБЕРИ
МЕХАНИЗМЫ
РАДОСТИ

Москва
2018

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury

THE MACHINERIES OF JOY
Copyright © 1964 by Ray Bradbury

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке Geliografic

Брэдбери, Рэй.

Б89   **Механизмы радости :** [рассказы : перевод с английского] / Рэй Брэдбери. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-090968-1

У этих механизмов никогда не бывает сбоев. Они вечны, как вечный двигатель и снега на вершине Килиманджаро. Потому что человек, их создавший, один из лучших в мире выдумщиков небывалых вещей, Рэй Брэдбери, писатель, фантаст, поэт, для которого создавать механизмы радости — такое же привычное ремесло, как для пекаря делать хлеб, а для винодела — вино.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Анисимов С., перевод на русский язык, 2018
© Оганян А., перевод на русский язык, 2018
© Задорожный В., перевод на русский язык, 2018
© Жданов Л., перевод на русский язык, 2018
© Серебряков В., перевод на русский язык, 2018
© Доброхотова Е., перевод на русский язык, 2018
© Алексеева Е., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090968-1

МЕХАНИЗМЫ РАДОСТИ

Отец Брайан решил пока не спускаться к завтраку, поскольку ему показалось, что он слышит там, внизу, смех отца Витторини. Витторини, как всегда, трапезовал в одиночестве. Тогда с кем бы он там мог смеяться — или над кем?

«Над нами, — подумал отец Брайан, — вот над кем».

Он снова прислушался.

В своей комнате, которая располагалась в другом конце зала, был погружен в молитвенное созерцание, а точнее сказать, прятался отец Келли.

Они никогда не допускали, чтобы Витторини закончил завтрак, о нет! Они всегда умудрялись присоединиться к нему как раз в тот момент, когда он дожевывал последний кусочек тоста. В противном случае чувство вины не давало бы им покоя весь день.

Тем не менее внизу явственно раздавался смех — или послышалось? Отец Витторини, видно, откопал что-то в утренней «Таймс». А то, чего

доброе, он сидел полночи, пребывая в скверном расположении духа и потворствуя собственным причудам, перед этим нечистым демоном — телевизором, стоящим у двери, словно непрошенный гость. И теперь, наверное, в его голове, промытой электронным чудовищем, беззвучно крутились шестеренки и вызревали планы какой-то новой дьявольской каверзы, и он сидел, намеренно постясь и надеясь распалить любопытство соседей звуками своего итальянского веселья и выманить их вниз.

— О Господи! — Отец Брайан вздохнул и повертел в пальцах конверт, который приготовил вчера вечером. Он сунул его под рясу в качестве орудия обороны, если все же решится вручить его пастору Шелдону. Сумеет ли отец Витторини обнаружить конверт сквозь ткань с помощью своих черных, быстрых рентгеновских глаз?

Отец Брайан крепко провел ладонью по груди, чтобы разгладить малейшие складки, которые могли бы выдать его прошение о переводе в другой приход.

— Что ж, пошли! — И, шепча про себя молитву, отец Брайан стал спускаться по лестнице.

— А! Отец Брайан! — Витторини поднял взгляд от полной тарелки с завтраком. Негодник даже еще не удосужился посыпать сахаром свои кукурузные хлопья.

У отца Брайана было такое ощущение, будто он шагнул в пустую шахту лифта. Чтобы спастись, он инстинктивно выставил вперед руку и коснулся телевизора. Тот был еще теплым.

— Вы что же, провели здесь всю ночь?

*# Да, мы живем
не в самом
справедливом
мире.*

— Я бодрствовал у телевизора, да.

— Ну конечно, бодрствовали! — фыркнул отец Брайан. — Бодрствуют у одра болящего или усопшего, не так ли? Мне довелось кое-что повидать в жизни, но более безмозглой штуки, чем эта, я не встречал. — Он отвернулся от электронного кретина и внимательно посмотрел на Витторини. — И вы слышали далекие крики и завывания духов на этом, как его?.. Канаверал?

— Запуск отменили в три часа утра.

— И вот вы сейчас сидите здесь, свеженький как огурчик... — Отец Брайан прошел вперед, покачав головой. — Да, мы живем не в самом справедливом мире.

Витторини налил в тарелку молока и тщательно размешивал в нем хлопья.

— А вы, отец Брайан, напротив, выглядите так, словно побывали нынешней ночью на экскурсии в преисподней.

К счастью, в этот момент вошел отец Келли. Увидев, как мало отец Витторини продвинулся со своим завтраком, он будто примерз к полу. Скороговоркой поприветствовал обоих священников, уселся за стол и поглядел на взволнованного отца Брайана.

— Действительно, Уильям, вид у вас весьма неважный. Бессонница?

— Что-то вроде этого.

Отец Келли, склонив голову несколько набок, внимательно оглядел обоих мужчин.

— Что происходит? Может, что-нибудь случилось в мое отсутствие здесь вчера вечером?

— У нас была небольшая дискуссия, — ответил отец Брайан, поигрывая ложкой в тарелке с размокшими хлопьями.

— Небольшая дискуссия! — подхватил отец Витторини. Он чуть было не рассмеялся, однако сдержал себя и сказал просто: — Дело в том, что ирландского священника беспокоит поведение итальянского Папы.

— Полноте, отец Витторини, — сказал Келли.

— Пусть продолжает, — пробурчал отец Брайан.

— Чрезвычайно признателен за ваше любезное разрешение, — очень вежливо ответил Витторини, дружелюбно кивнув ему. — Папа Римский, видите ли, являет собой постоянный источник благочестивого раздражения если не для всех, то по крайней мере для некоторых ирландских священнослужителей. Почему Папу зовут не Нолан? Отчего бы ему не носить зеленую шапочку вместо красной? Почему бы, если уж на то пошло, не перенести собор Святого Петра в Корк или Дублин в двадцать пятом веке?

— Надеюсь, на самом деле никто не говорил именно так? — спросил отец Келли.

— Мне недостает смирения, — произнес отец Брайан. — В своей гордыне я, возможно, и сделал подобное предположение.

— При чем здесь гордыня? И что за предположение?

— Вы слышали, что он только что сказал про двадцать пятый век? — спросил отец Брайан. — Так вот, это когда Флэш Гордон и Бак Роджерс влетают в баптистерий через оконный проем и верующие бросаются к выходу.

Отец Келли вздохнул:

— Ах, господи, опять та самая шутка?

Отец Брайан почувствовал, что кровь прилила к его щекам и они вспыхнули, поэтому он изо всех сил постарался, чтобы она отхлынула к более холодным областям его тела.

— Шутка? Это выходит далеко за рамки простой шутки. Вот уже целый месяц только и слышишь повсюду: «Канаверал то, Канаверал се, траектории, астронавты». Можно подумать, что это Четвертое июля, он по полночи не спит из-за этих ракет! Я, собственно, хочу сказать: ну что это за жизнь теперь, что за карусель каждую ночь с этой машиной-Горгоной, которая стоит у дверей и начисто отшибает у вас все мозги, стоит только взглянуть на нее? Я совершенно не могу спать, потому что чувствую, что вот-вот все в приходе пойдет прахом.

— Да-да, — согласился отец Келли. — А все-таки что это вы там говорили насчет Папы?

— Это не о новом, о предпоследнем, — устало ответил Брайан. — Покажите ему вырезку, отец Витторини.

Витторини замялся.

— Покажите, — настаивал Брайан.

Отец Витторини вынул маленькую газетную вырезку и положил ее на стол.

Даже не переворачивая, отец Брайан прочитал плохие новости:

«ПАПА БЛАГОСЛОВЛЯЕТ ШТУРМ
КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА».

Отец Келли вытянул палец и осторожно дотронулся до заметки. Потом взял ее и вполголоса, с выражением прочитал, подчеркивая ногтем каждое слово:

— «ЗАМОК ГАНДОЛЬФО, ИТАЛИЯ, 20 СЕНТЯБРЯ. Сегодня Папа Пий XII дал свое благословение усилиям человечества, направленным на завоевание космического пространства. В выступлении перед делегатами Международного конгресса по космическим полетам понтифик сказал: «Господь не намерен ограничивать человека в его попытках покорить космос».

Четыреста делегатов конгресса, посланцы двадцати двух стран, были приняты Папой в его летней резиденции.

«Этот конгресс, посвященный космическим полетам, имеет огромное значение для нашего времени — начавшейся эпохи исследования человеком космического пространства, — сказал Папа. — Он затрагивает интересы всего человечества. ...Человеку необходимо приложить немалые усилия, чтобы установить новые отношения с Богом и Его Вселенной».

Отец Келли читал все медленнее и наконец остановился.

— Когда была напечатана эта заметка?

— В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году.

— Неужели так давно? — Отец Келли отложил ее в сторону. — Никогда ее не читал.

— Похоже, — сказал отец Брайан, — что вы и я, отец, вообще читаем не очень много.

— Каждый мог пропустить ее, — ответил Келли, — это совсем крохотная заметка.

— Но в ней заложена очень большая идея, — добавил отец Витторини, всем своим видом демонстрируя хорошее настроение.

— Дело в том, что...

— Дело в том, что, — перебил Витторини, — когда я впервые заявил об этом, правдивость моих слов была подвергнута очень серьезным сомнениям. Теперь мы видим, что я говорил истинную правду.

— Разумеется, — поспешно сказал отец Брайан. — Однако, как заметил наш поэт Уильям Блейк: «Коль правду ты во зло употребил — гнусней лжеца любого поступил».

— Безусловно. — Витторини продолжал излучать дружелюбие. — Но разве не Блейк написал также:

Кто собственным глазам не доверяет —

Не верит никогда и никому.

Но Солнце и Луна коль веру потеряют,

Вселенная погрузится во тьму.

— Весьма убедительно, — добавил священник-итальянец, — и очень подходит для космической эры.

Отец Брайан уставился на возмутительного спорщика:

— Я был бы вам бесконечно благодарен, если бы вы не цитировали нам нашего Блейка.

— Вашего Блейка? — спросил стройный бледный мужчина с волнистыми темными волосами. — Странно. Я всегда был убежден, что он англичанин.

— Поэзию Блейка, — сказал отец Брайан, — очень любила моя мать. И именно она рассказывала мне, что у него была ирландская кровь по материнской линии.

— Искренне признателен вам за столь ценные для меня сведения, — поблагодарил отец Витторини. — Однако же вернемся к газетной заметке. Теперь, когда мы ее наконец разыскали, не пора ли нам поподробнее ознакомиться с энцикликой Пия Двенадцатого?

Отец Брайан, осторожность которого была его второй натурой, недоверчиво спросил:

— Что же это за энциклика?

— Позвольте, та самая — о космических путешествиях.

— Он не мог написать этого!

— Тем не менее написал.

— О космических полетах! Специальная энциклика?

— Совершенно верно, специальная.

Оба священника-ирландца чуть было не попадали с кресел — настолько сильным оказался для них этот удар.

Отец Витторини делал движения, как человек, приводящий в порядок свой костюм после взрыва: сощелкнул пылинку с рукава, стряхнул волосок, подобрал две-три хлебные крошки со скатерти.

— Неужели недостаточно было того, — проговорил отец Брайан упавшим голосом, — что он пожал руки этой шайке астронавтов, сказал им, дескать, молодцы, ребята, и все такое, но ему показалось мало, и он обо всем этом еще и написал?

— Этого было недостаточно, — подтвердил отец Витторини. — Он, как я слышал, пожелал подробно изложить свои взгляды относительно проблем жизни на других планетах и влияния этого феномена на христианский образ мышления.

После каждого из этих слов, произнесенных очень отчетливо, двое других мужчин все дальше откидывались назад в своих креслах.

— Вы слышали? — прошептал отец Брайан. — А вы сами это еще не читали?

— Еще нет, но я намереваюсь...

— Вы много вещей намереваетесь сделать, и отнюдь не самых лучших. Иногда, отец Витторини, — и мне крайне неприятно говорить это, — ваши речи звучат совершенно неподобающим для священнослужителя католической церкви образом.

— Я говорю, — парировал Витторини, — как итальянский священник, пытающийся сохранить поверхностное натяжение церковного болота, где я по воле Божьей оказался в окружении огромного стада клерикалов по имени Шонесси, и Налти, и Фланнери, значительно превосходящих меня по численности, которые начинают пани-

чески метаться по кругу, словно карибу или бизоны, стоит мне лишь шепнуть: «Папская булла».

— Теперь я уже нисколько не сомневаюсь, — тут отец Брайан скосил глаза в ту сторону, где, по его представлению, должен располагаться Ватикан, — что вы собственноручно, окажись вы там, втянули бы святого отца во все это дуракаваляние с космическими путешествиями.

— Я?

— Вы! Разве не вы — не мы же, в конце концов, — натащили сюда целый грузовик журналов с космическими кораблями на глянцевых обложках и нечистыми зелеными шестиглазыми чудовищами о семнадцати манипуляторах, которые гоняются за полураздетыми девицами на какой-то там луне? Это вы — я своими ушами слышал — вместе со своим бесовским телевизором среди ночи ведете отсчет: десять, девять, восемь — и до единицы. А мы лежим и трясемся от страха так, что у нас пломбы из зубов вылетают. Вы, два итальянца — один здесь, а другой в замке Гандольфо — прости меня, Господи! — умудрились парализовать все ирландское духовенство!

— Успокойтесь! — сказал наконец отец Келли. — Вы оба.

— Успокоюсь. Так или иначе, но я обрету покой, — сказал отец Брайан, доставая из кармана конверт.

— Уберите, — приказал отец Келли, предчувствуя, что может там содержаться.

— Пожалуйста, передайте это от моего имени пастору Шелдону.

Отец Брайан тяжело поднялся и обвел глазами комнату, отыскивая дверь, чтобы уйти. И быстро вышел.

— Вот, полюбуйтесь, что вы наделали, — сказал отец Келли.

Отец Витторини, искренне потрясенный, перестал есть.

— Но, святой отец, я все время полагал, что это не более чем дружеская дискуссия: он выдвигал свои аргументы, а я — свои, он горячился, я же возражал со всей возможной мягкостью.

— Видите ли, ваша перепалка слишком затянулась, и забавный словесный поединок принял серьезный оборот, — сказал Келли. — Ах, вы не знаете Уильяма так, как его знаю я. Вы ведь и впрямь глубоко ранили его.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы загладить...

— Лучше брюки свои погладьте! И не путайтесь под ногами, я сам все постараюсь устроить. — Отец Келли схватил со стола конверт и посмотрел через него на свет. — Рентген скорбящей души. Ах ты господи.

Он поспешно поднялся наверх.

— Отец Брайан? — позвал он. Немного помедлив, постучал в дверь. — Отец? Уильям?

Отец Витторини, снова оказавшийся один в столовой, вспомнил о нескольких последних хлопьях, так и оставшихся у него во рту. Они были совершенно безвкусными. И ему понадобилось довольно много времени, чтобы их проглотить.